

КОНЦЕПТЫ «САД» И «ПУСТЫНЯ» В РОМАНАХ ФРЭНКА ГЕРБЕРТА СЕРИИ «ДЮНА»

© 2017

Т.Г. Никитина, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: научно-фантастическое произведение; художественный текст; вербализация концепта; модальность; Фрэнк Герберт; концепты «сад» и «пустыня».

Аннотация: Данное исследование опирается на эффективные методы исследования концепта в системе языка, предложенные когнитивистикой. Рассматривается речевая реализация концепта в художественном тексте, обусловленная авторским замыслом, жанровыми и стилевыми характеристиками текста. Актуальность исследования заключается в разработке понятия модальной рамки художественного произведения, что позволило описать вербализацию концепта в системе семантических, формальных и функциональных характеристик. Исследование подтвердило, что научно-фантастические романы Фрэнка Герберта серии «Дюна» характеризуются философской глубиной и сложностью языкового оформления, а концепты «сад» и «пустыня» играют ключевую роль в создании идейно-художественного содержания романов.

В работе представлен анализ реализации данных концептов на различных уровнях художественного текста. Отмечено, что концепт может быть рассмотрен на уровне языковой вербализации, на уровне текста, гипертекста и художественного дискурса; языковая репрезентация концептов осуществляется на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Для анализа реализации концептов в научно-фантастическом произведении Ф. Герберта был выбран лингвостилистический анализ, позволяющий делать отсылки к широкому контексту. Выявлена связующая гипертекстовая функция концепта в художественном тексте для обеспечения диалога писателя и читателя в художественном дискурсе.

Установлено, что культурная составляющая текста романов тесно связана с реализацией концептов. Анализ выявил противопоставление концептов, обеспечивающее принцип читательского выбора. Исследование показало, что писатель моделирует читательское восприятие героев и событий романов путем создания аксиологической модальности. В статье делаются выводы о ценностных экспериментах Ф. Герберта, роли читателя в создании системы ценностей и связи аксиологии с эпистемической и деонтической семантиками.

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика уделяет исследованию концепта достаточно много внимания. В настоящее время определены границы концепта [1–3], исследованы различные типы концептов [4; 5], разработана методика его анализа [6; 7]. Одним из направлений в исследовании концепта является изучение его языкового и речевого воплощения. Действительно, концепт как ментальное образование никаким образом не проявил бы себя иначе, как в языке, где он вербализуется в структуре речевых произведений, выполняя необходимые коммуникативные функции. Определяя концепт как феномен, связанный с историческими, социальными и культурными факторами, исследователи отмечают его семантическую емкость, способность к образованию разнообразных словесных оттенков и переносов [8, с. 80–81]. С одной стороны, он является отражением факта действительности, с другой стороны, отражает результаты ментальной деятельности. Важную роль в понимании концепта играет культурологический аспект.

Концепты «пустыня» и «сад» можно найти в различных культурах. Истоки концепта «пустыня» можно найти в культурах Востока, территориально близких к пустыням Малой Азии, Аравийского полуострова и Африки. При этом для кочевых народов жизнь в пустыне воспринимается не так, как она видится представителю западной культуры. Это не существование на грани выживания, но многообразная и богатая во многих аспектах жизнь [9, р. 221]. Однако, благодаря своей многоаспектности (религиозный, философский, эстетический, деятельностный аспекты), концепт «пустыня»

проник во множество современных культур. Современному мироощущению близка попытка примирить свое мироощущение с присутствием губительной угрозы. Кочевые народы, населяющие пустыню, создали веру в то, чего не существует, но что можно представить в своем воображении [10]. Не случайно именно здесь зародились иудаизм, христианство, ислам. Религиозно-философский потенциал пустыни способствовал концептуализации данного понятия. Так, например, в библейских текстах упоминание о пустыне встречается неоднократно, начиная с мифа о сотворении мира и заканчивая искушением Христа в пустыне. Авраам, Моисей, Христос оказываются в пустыне для общения с Богом [11, с. 52]. Внеграницейное понимание пустыни содержится и в исламе.

Концепт «пустыня» не мыслится без другого концепта – «сада». В своем первом и главном значении образ сада воплощает образ созданного богом рая, ограниченного и отделенного от окружающего, недружелюбного человеку пространства. Сад воплощает деятельностное мировоззрение, предполагает возможность материальных изменений окружающей среды, включает признаки безопасности, защищенности, изобилия, довольства, соотносится с жизнью, рукотворением [9, с. 221]. За образом сада стоит христианское видение. Пустыня, напротив, олицетворяет мир испытаний и лишений. Пустыня, в отличие от сада, нерукотворна и обладает нечеловеческим, грандиозным масштабом. Она выводит за пределы обыденного в сферу духовности и интеллекта, в область не столько видимого и очевидного, сколько мистически таинственного, доступного только внутреннему зору [11].

XX век во многом сместил традиционные представления об этих двух концептах, наделил их новыми значениями. В культуре народов современности отражена борьба двух тенденций: десакрализации пустыни, создания рукотворного сада и, напротив, обращение к мистической стороне пустыни, выводящей человека за пределы социума, наталкивающей на размышления о сущности бытия. Если пророки прошлого удалялись в пустыню для поисков истины, то современная культура также проявила интерес к восточным религиям, к практике измененного сознания, обращения к химическим и психотропным средствам. Современным художникам значительно ближе по мироощущению оказывается драматизм пустыни, удаление от жизненного сада [10]. В художественной форме они повторяют путь отшельников в надежде отыскать духовность и истину.

Все эти тенденции современной культуры в полной мере проявляются в творчестве одного из самых значимых художников современности Ф. Герберта. Его серия романов «Дюна» оказала огромное влияние на культуру и литературу XX века и представляет собой обширный материал для исследования концептов «пустыня» и «сад». Применяя экологические знания и экологическое видение в построении идейно-художественного содержания романов, Ф. Герберт поднимает их до философского осмысления, создавая дихотомию «человек – вселенная» [12, р. 67]. Важнейшими элементами художественного мира становятся концепты «сад» и «пустыня».

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Данное исследование применяет элементы существующих методик исследования концептов, которые в основном направлены на изучение языковых репрезентантов концептов, в частности, методику компонентного анализа семантики и культурологический подход [13–15]. Однако в рамках данных методик неизученными остаются функциональные возможности концепта, поэтому они дополнены методиками анализа текста. Изучение концепта в художественном произведении Ф. Герберта проведено на основе лингвопоэтического анализа, который позволяет охватить все стороны произведения и обращается к внетекстовому (литературоведческому, библиографическому, культурно-историческому) контексту [16]. Концепт рассматривается через призму его репрезентантов (слов, словосочетаний, а также идей и образов) как важный инструмент создания идейно-художественного содержания текста. Важным компонентом такого анализа является также изучение ритмико-просодических характеристик текста [17].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Философская глубина романов Ф. Герберта, наполненных концептами, символами, понятиями и терминами, привлекала внимание многих исследователей [18–20]. Однако понятия «пустыня» и «сад» ранее не рассматривались подробно. В романах серии «Дюна» эти концепты занимают центральное место и проявляются на различных уровнях текста.

У концептов «пустыня» и «сад» есть свои репрезентанты в языке. Прежде всего, это лексические единицы с аналогичной семантикой: *desert, garden* (пустыня, сад – здесь и далее перевод автора). Сюда же можно отнести тематическую лексику: *sand, heat, dry, plants, trees, mi-*

mosa, roses (песок, жара, растения, деревья, мимоза, розы). Паремии, репрезентирующие данные концепты, созданы автором в слое псевдоинтертекстуальных эпиграфов, предваряющих главы романов «Дюна»: *You do not beg the sun for mercy* (Солнце не просят о жалости) [21, р. 167], но они не многочисленны.

Речевая репрезентация указанных концептов гораздо шире. Ф. Герберт создает их вербализацию на всех уровнях художественного текста. Фоносемантический уровень репрезентации концепта «пустыня» представлен многочисленными звуковыми повторами, создающими эффект звукоподражания. Они создают звуковой образ пустыни: шуршание песка, шум ветра. Они не только сопровождают изображение пустыни в описаниях, но и подобно эху возникают в тех композиционных фрагментах, которые связаны с темой пустыни. Например, в последней книге серии «Капитул Дюны» повторы шипящих звуков сопровождают Шиану – героиню, нашедшую способ подчинить себе пустынного червя:

“She rides the sandworm of space! She guides through all storms Into the land of gentle winds. Though we sleep by the snake’s den, She guards our dreaming souls. Shunning the desert heat, She hides us in a cool hollow”. (Она едет на черве вселенной! Она направляет его через все бури в земли тихих ветров. Пусть мы спим у логова змея, Она охраняет наш сон, отгоняя дневной жар. Шиана прячет нас в прохладной пещере) [22].

Описание сада включает звукопись текущей воды, передаваемой сочетанием сонорных согласных: *“A low fountain stood there, small with fluted lips. The rhythmic noise was a peeling, spooling arc of water falling thud-a-gallop onto the metal bowl. Every available space in the room was crowded with exotic wet-climate plants”.* (Здесь стоял небольшой низкий фонтан с небольшим отверстием дудочкой. Ритмичный звук оказался плеском прерывистой водяной дуги, со звоном бьющей в металлическую чашу. Все пространство маленькой комнатки было заполнено экзотическими тепличными растениями) [23, р. 71]. Сама лексическая единица *“water”* (вода) подчеркивается благодаря звуковой аттракции звука *“w”*: *Water everywhere ... Water being wasted* (Вода везде... Вода тратится зря) [23, р. 71].

На лексическом уровне концепты представлены различными группами слов, призванных придать концептам черты топоса. В романе «пустыня» и «сад» представлены в виде реалистично описанных мест, где обитают герои романов. Пустыня представлена обширной тематической группой слов, описывающих пейзаж, фауну, этнос пустыни. Многие из них являются авторскими неологизмами: *stillsuit, spice, snorkel, watertube, cris* (фильтрокостюм, спайс, дыхательная трубка, водяная трубка, крис). В описании сада широко используются названия растений: *fern, mimosa, roses, akarso, quince, sondagi, pleniscenta* (папоротник, мимоза, розы, акарзо, айва, сондаги, пленисцента).

Автор создал словарь неологизмов, используемых в романе для обозначения жизни в пустыне ее основных обитателей – фременов. В этот словарь включены бытовые реалии фременской жизни (*windtrap, yali, stillsuit, stilltent, thumper, sietc* – ловушка для ветра, яли, фильтрокостюм, фильтропалатка, колотушка, табор) и реалии, связанные с производством меланжа (*spice driver, spice factory* – перевозчик спайса, фабрика спайса). Герберт

также вводит в текст имитацию иноязычных включений в виде элементов фременского языка (*ya hya chouhada: "long live the fighters!"* – Да здравствуют борцы!; *ya! ya! yawm!:* "now, hear this!" – послушайте!; *soo-soo sook!:* *water-seller's cry on Arrakis* – возглас продавца воды на Арракисе). Неологизмами являются также наименования религиозно-философских понятий фременов (*sayyadina, taqwa, shadout, sihaya*). Многие из этих единиц имеют арабские, египетские или африканские корни, т. е. позаимствованы из языков пустынных народов [24]. Так, например, *tahaddi* является арабским словом, обозначающим вызов, *subakh un nar* – традиционный египетский ответ на приветствие, *ulema* – арабское слово, обозначающее ученых или знающих людей [24].

Концепты «пустыня» и «сад» также представлены словосочетаниями. В анализе словосочетаний следует опираться на понятие синтагмы. Синтагматика словосочетаний, изученная в работах С.Г. Тер-Минасовой, М.В. Вербицкой, А.Н. Морозовой, представлена в единстве лексико-грамматического содержания и просодического оформления [17; 25; 26]. В качестве примера можно привести описание сада в романе "Chapterhouse: Dune": *summer morning, flowers blooming, birds calling, yellow radiance, prune roses, black roses, pruning shears, went snick-snack* (утреннее солнце, распутившиеся цветы, крики птиц, желтое сияние, розовый куст, черные розы, садовые ножницы, щелкают чик-чик). Последовательность синтагм с одинаковым слоговым составом создает ритмический рисунок, обеспечивающий метрическую речь [25]. Такие отрывки текста обеспечивают внимание читателя, именно в них автор сосредотачивает особо значимую информацию. Так, например, в заключительном эпизоде романа, когда главный герой Лето погибает, теряя свою пустынную форму из-за соприкосновения с водой, Ф. Герберт вводит в текст прием метрической речи, воспроизводя поэтический ритм:

I cannot cry, -/-/ (я не могу плакать)

nor even shout, -/-/ (и даже кричать)

he thought. - / (подумал он)

Tears are no longer possible. /- - / - / - (плакать нельзя)

They're water. / - / - (слезы – вода)

I'll have water enough in a moment. - - / - / - / - (скоро у меня будет много воды)

I can only moan in my grief. - - / - / - / (я лишь могу стонать от горя) [27, р. 414].

Ритмический эффект создается и благодаря идентичному количеству слогов в последовательно расположенных синтагмах:

There was an old man out there at a distance (11), digging in flowers (4). The garden was protected by buildings on three sides (13). The flowers bore large blossoms-red on the outside but (13), when they unfolded (5), white in the center (5). The old Man's uncovered gray hair was a kind of blossom waving among the floral white and jeweled buds (25). A Fremem tending flowers in the open! (11) – Там, вдали, стоял старик, копаясь в цветах. Сад был обнесен стеной с трех сторон. Цветы были с большими соцветиями, красными снаружи, но когда распускались, то становились белыми в середине. Непокрытая седая голова Старика была цветком, плывущим среди белых и рубиновых соцветий. Фремен, без утайки ухаживающий за цветами! [27, р. 383].

Ритмический эффект поддерживается также и включением отрывков фременских пустынных песен в повествование: *Day is ended./Visitors gone/Day is ended/In our Sietch./Day is ended./Storm wild sounds./Day is ended./Visitors gone* (День подошел к концу. Гости ушли. День подошел к концу в нашем таборе. День подошел к концу. Буря завывает. День подошел к концу) [28, р. 412]. Ритмизация текста сообщает ему особую патетичность и эмоциональность, настраивая читателя на восприятие информации философского плана. Таким образом, простые описания пустыни и сада приобретают глубокое звучание, обеспечивают понимание дополнительных смысловых нагрузок концептов «пустыня» и «сад». Так, например, репрезентант концепта «пустыня» Шай-Хулуд (пустынный червь) выступает как материальный объект, для его описания Ф. Герберт создает в своем словаре научное описание: *SHAI-HULUD: Sandworm of Arrakis ... Sandworms grow to enormous size (specimens longer than 400 meters have been seen in the deep desert) – ШАИ-ХУЛУД: пустынный червь Арракиса... Пустынные черви вырастают до огромного размера (в глубине пустыни были замечены экземпляры более 400 метров в длину)* [23, р. 529]. Шай-Хулуд выступает в различных сюжетных ролях: пустынного животного, религиозного фетиша, материала для генетических экспериментов, надежды человечества. В то же время для подчеркивания его метасемиотической нагрузки Ф. Герберт использует ритм: все описания Шай-Хулуда сопровождаются приемами ритмизации текста. Шай-Хулуд вызывается ритмичным постукиванием и подчиняется ритмичным танцам и песням. Ритмизация является маркером того, что этот репрезентант концепта «пустыня» приобретает в романе дополнительные нагрузки, обретает глубину символа. Этот емкий символ соотнесен с концептом пустыни, а также с понятиями природы, экосистемы, бога, испытания. В последнем романе серии пустынный червь и человек отправляются для создания нового мира, в котором они могут осуществить попытку гармоничного сосуществования: *There appeared to be no stopping the Missionaria in its preparations for our Sheeana. If the giant sandworms developed – Shai-hulud returned! And the Missionaria Protectiva of the Bene Gesserit was ready to launch her onto an unsuspecting humanity prepared for religious adoration. The myth become real... just the way she tried to make that sculpture back there a reality* (Похоже, что ничто не остановит Миссию в ее планах относительно Шианы. Если вырастить гигантского пустынного червя, вернется Шай-Хулуд! И Миссия Протектива Бене Гессерит была готова поместить ее в нецивилизованное человеческое сообщество для религиозного поклонения. Миф станет реальностью... подобно тому, как она пыталась воплотить в реальность ту скульптуру) [22].

Семантика концептов «пустыня» и «сад» достаточно сложна и может быть проанализирована в опоре на внешний контекст романа, прежде всего, на библиографическую составляющую. О'Райли считает, что не просто знания эколога, но широчайшая эрудиция в сферах антропологии, истории, этнографии, философии помогли Ф. Герберту создать динамику движения от идеи к ее культурному моделированию и далее к культурным преобразованиям, которые она может нести [29]. Сад и пустыня – не просто топоры романа, но культурные

модели, воплощенные с научной точностью и множеством подробностей (планеты, народы, обычаи, традиции). Обе модели взаимосвязаны. Прежде всего, они противопоставлены друг другу. Подобно тому, как в языковой картине мира существует дихотомия «пустыня – сад», так же и в романе Ф. Герберта противопоставление и взаимовлияние пустыни и сада проявляется на всех уровнях текста.

На языковом уровне, прежде всего, это противопоставление коннотативно окрашенных лексических единиц, создающих контрастные образы. Сад изображен как воплощение жизни, всего позитивного и прекрасного, что в ней может быть: *the most precious juice of life; life breeds more intensely; to irrigate heavily; birds and insects; bees working the clover; cherries east of them beyond the pasture; seeds and young shoots; planted with loving care; massed greenery* (самый ценный нектар жизни; жизнь расцветает; обильно поливать; птицы и насекомые; пчелы жужжат над клевером; густая зелень). В противоположность этому пустыня изображена как место опасности и смерти, связанное с трудностями и испытаниями: *the storm ... slamming across the side of the 'thopter; a cascade of sand, a dry smell of burned flint* (буря... обрушилась сбоку на вертолет, поток песка, сухой запах раскаленного кремня). В последних романах серии, напротив, сад становится смертельной ловушкой, а пустыня видится как спасение, как желанная цель.

Семантика концептов «пустыня» и «сад» реализуется на текстовом уровне благодаря многочисленным функциям, которые они выполняют в романе. Прежде всего, это место действия, выбираемое автором в соответствии с принципом художественного моделирования действительности. Ф. Герберт, как творец возможных миров, берет за основу популярный образ, несколько гиперболизируя его, и разворачивает события на фоне губительных пустынных бурь, червей, готовых поглотить любое движущееся существо, жары, выжить в которой возможно лишь с помощью особого костюма. В течение серии романов пустыня увлажняется, мелиорируется, превращается в сад, при этом фремены из свободного жизнелюбивого народа превращаются в марионеток. Планета-сад сделала людей слабыми и зависимыми. Последний роман серии заканчивается попыткой вновь отыскать планету-пустыню.

Пустыня и сад являются яркими художественными образами, легко воспринимаемыми благодаря своей универсальности. Ф. Герберт выходит за рамки традиционного понимания сада и пустыни как положительного и отрицательного образов. Жизнь в пустыне кажется опасной лишь для западного восприятия. Для народов, населяющих пустыню, она кажется домом. Ван дер Веен пишет о том, что сад и пустыня могут рассматриваться не только как противопоставление, но и как взаимосвязанные и взаимозаменяемые понятия [9, р. 226–228]. Такой же подход применен Ф. Гербертом к развертыванию семантики концепта в романах «Дюна». Герои романа также противопоставлены друг другу. Герои – сторонники пустынных обычаев противопоставлены героям – сторонникам имперских обычаев, жители пустыни противопоставлены жителям сада, герои с пустой душой – героям с богатым внутренним эмоциональным миром и т. д.

Важной функцией концептов является также создание текстовой модальности. Модальность может быть представлена на уровне высказывания, на уровне предложения. Так, например, в высказывании *“Could have stumbled on an ancient aquifer, sir. Maybe buried under a cap of rock”* (Наверное, наткнулись на старый водосток, господин. Может, скрыт под скалой.) присутствует указание на гипотетичность, семантику настоящего времени, приближенного пространства, положительную оценку, передаваемую уважительным *sir* и упоминанием об источнике воды в контексте описания безводного пространства пустыни [24]. В метатексте скрыта семантика долженствования – *So we had to stop* (И нам пришлось остановиться).

Модальная семантика и семантика концепта сходны в том, что они могут быть культурно обусловлены. Модальная семантика может быть задана, запрограммирована через определенные стереотипы. Так, например, опора на определенные поведенческие стереотипы позволяет идентифицировать оценку одного из героев Харконнена: *Sinewy muscles stood out along his neck and jaw, ready to contort his face into a scowl or a hard smile, depending on circumstances.* – Жилы выступали на его шее и подбородке, превращая лицо в гримасу или лицемерное веселье, в зависимости от обстоятельств (мика, не располагающая к общению); *Yet another failing of his weak younger demibrother* – Еще одна неудача его брата-слабака (отсутствие уважения к близкому родственнику); *The Baron growled, furious with the man for communicating on an unencrypted channel* – Барон нахмурился, злясь на подчиненного, связывающегося с ним по незащищенному каналу (несдержанность в выражении негативных эмоций).

Поскольку концепты опираются на культурно обусловленные стереотипы, понятные для читателя, семантика концептов и модальная семантика часто пересекаются. Так, например, эпистемическая модальность в семантике реальности определяет топонимическую функцию концепта «пустыня», Ф. Герберт использует данный стереотип, изменяя некоторые параметры модальной рамки. Так, например, придавая изображению пустыни реальную окраску, он использует гиперболизацию. Все в пустыне Дюны преувеличено – размер червей, сила пустынных бурь, жестокость коренных обитателей. Алетическая модальность проявляется на композиционном уровне, где пустыня изображена как обладающая значительным потенциалом возможностей для каждого героя романа. Реализованным оказывается только вариант возможного мира эколога Пардота Кинеса. Потенциал пустыни связан с ее экологическим преобразованием, а также с необычными свойствами ее основного продукта – меланжа, дающего человеку способности сверхвосприятия. Деонтическая модальность представлена блоком обязанностей, которые налагает на человека жизнь в пустыне. Основной источник этих долженствований связан со стереотипом выживания.

Важнейшая модальная семантика романа – аксиологическая. Именно она участвует в противопоставлении пустыни и сада. Экспериментируя с традиционным прецедентным представлением о пустыне как негативно окрашенном концепте, Ф. Герберт создает и выражает идейное содержание романов. Благодаря дихотомии

«сад – пустыня» Ф. Герберт выражает свои основные идеи. Прежде всего, это идея осознания опасности экологических экспериментов [20]. Одна из основных идей автора состоит в том, что человек должен жить в гармонии с природой, не его потребности, а потребности экосферы должны определять изменения окружающей среды. Важной идеей является то, что для развития человека не годятся «тепличные» цивилизованные условия общества потребления, воплощенные в образе сада. Напротив, суровое пустынное окружение способствует развитию духовного потенциала. Важнейшей идеей Ф. Герберта является то, что путь человека должен лежать в плоскости духовного совершенствования, ни физическое, ни научно-техническое, ни психологическое развитие не являются достаточными для духовного роста. Так, аксиологическая модальность, определяющая содержание концептов «сад» и «пустыня», подвергается значительному переосмыслению, позволяет автору предложить изменения в системе ценностей (аксиологии). Приоритеты выживания, безопасности, изобилия заменяются приоритетами совершенствования, отваги и аскетизма.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Исследование концептов «сад» и «пустыня» в романах Ф. Герберта показывает, что их речевая репрезентация гораздо шире, нежели языковая. Они реализованы как на уровне языкового оформления, так и на уровне идейно-художественного содержания. Репрезентанты концептов выявлены на фоносемантическом, семантическом и синтагматическом уровне. Вербализация концептов построена на уровне противопоставления. Функциональная нагрузка концептов состоит в выражении идейно-художественного содержания, создания образов и характеристики героев романа. Концепты являются ключевыми инструментами организации содержания не только отдельных романов, но и всего цикла романов в целом, создавая устойчивые гипертекстовые связи. Важной функцией концепта является его модальная функция. Модальное содержание репрезентантов концептов создает характерное модальное оформление. Эпистемическая, алетическая и аксиологическая модальности связаны с рассматриваемыми концептами и идейно-художественным содержанием. Используя культурные стереотипы пустыни и сада, Ф. Герберт подвергает стереотип трансформации, решая художественные и философские задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 606–622.
2. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. 2004. Вып. 3. С. 3–10.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
4. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind: the experimental, imaginative, and ecological aspects // Symposium of categorization and noun classification. Eugene: Iniversity of Oregon, 1983. 23 p.
5. Keil F.C. Concepts, kinds, and cognitive development. Cambridge: MIT Press, 343 p.
6. Касаткина К.А. Концептуальная картина мира и перевод // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 1. С. 83–88.
7. Devitt A.J. Generalizing about genre: new conceptions of an old concept // College Composition and Communication. 1993. Vol. 44. № 4. P. 573–586.
8. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
9. Van der Veen M. Gardens in the Desert // Life on the fringe: living in the southern Egyptian deserts during the roman and early-byzantine periods. Leiden: CNWS, 1998. P. 221–242.
10. Хромченко С. Образы пустыни и сада в современном искусстве // Sanat. 2003. Вып. 3. URL: sanat.orexca.com/ru/kontakty/.
11. Озерский С. «Пустыня» в Священном писании // Православная община. 1999. № 51. С. 51–59.
12. Mellamphy N.B. Terra-&-terror ecology: secrets from the Arrakeen underground // Design Ecologies. 2013. Vol. 3. № 1. P. 66–91.
13. Опарина О.И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 27. М.: МАКС Пресс, 2004. 96 с.
14. Полякова Е.И. Определение концепта на основе лингвокультурологического подхода // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10. С. 155–156.
15. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
16. Борисова Е.В. Научные предпосылки возникновения метода общелингвистического анализа художественного текста // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы десятой международной научно-практической конференции. Самара: СамГСПУ, 2015. С. 61–65.
17. Морозова А.Н., Караульщикова Ю.В. Модальные синтагмы в англоязычном медиа-тексте: параметры анализа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2013. Т. 15. № 2-2. С. 459–466.
18. Evans C.L. Women of the future: gender, technology, and cyborgs in Frank Herbert's Dune. Master's thesis. Quebec: Universite Laval, 2016. 163 p.
19. Morton T. Imperial measures: Dune, ecology and romantic consumerism // Romanticism on the Net. 2001. № 21. P. 15–21.
20. Pearson B.W. Friedrich Nitzche goes to space // Dune and Phylosophy. Chicago: Open Court, 2011. P. 189–205.
21. Herbert F. Dune Messiah. New York: Ace Books, 1990. 329 p.
22. Herbert F. Chapterhouse Dune. New York: Ace Books, 1990. 433 p.
23. Herbert F. Dune. New York: Ace Books, 1990. 536 p.
24. Thu K. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's "Dune", The Baheyeldyn Dynasty. 2004. URL: baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html.

25. Вербицкая М.В., Миндрул О.С. Филологические основы воспроизведения литературно-художественного текста в устной речи // Теория и практика изучения современного английского языка. М.: МГУ, 1985. С. 136–144.
26. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. Общая и английская синтагматика составных номинативных групп. М.: URSS, 2009. 200 с.
27. Herbert F. *God emperor of Dune*. New York: Ace Books, 1990. 423 p.
28. Herbert F. *Children of Dune*. New York: Ace Books, 1990. 408 p.
29. O'Reilly T. *Frank Herbert*. New York: Frederick Ungar Publishing, 1981. 279 p.
- REFERENCES**
1. Demyankov V.Z. The term “concept” as an element of terminological culture. *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey v chest akademika N.Yu. Shvedovoy*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, pp. 606–622.
 2. Angelova M.M. “Concept” in modern linguoculturology. *Aktualnye problemy angliyskoy lingvistiki i lingvodidaktiki*, 2004, vyp. 3, pp. 3–10.
 3. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazyka* [Semantic universals and description of the language]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 780 p.
 4. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind: the experimental, imaginative, and ecological aspects. *Symposium of categorization and noun classification*. Eugene, University of Oregon Publ., 1983. 23 p.
 5. Keil F.C. *Concepts, kinds, and cognitive development*. Cambridge, MIT Press Publ., 343 p.
 6. Kasatkina K.A. Conceptual world image and translation. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU*, 2010, no. 1, pp. 83–88.
 7. Devitt A.J. Generalizing about genre: new conceptions of an old concept. *College Composition and Communication*, 1993, vol. 44, no. 4, pp. 573–586.
 8. Ryabtseva N.K. *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and natural intelligence]. Moscow, Academia Publ., 2005. 640 p.
 9. Van der Veen M. Gardens in the Desert. *Life on the fringe: living in the southern Egyptian deserts during the roman and early-byzantine periods*. Leiden, CNWS Publ., 1998, pp. 221–242.
 10. Khromchenko S. Images of desert and garden in contemporary art. *Sanat*, 2003, vyp. 3. URL: sanat.orexca.com/ru/kontakty/.
 11. Ozerskiy S. “Desert” in the Scriptures. *Pravoslavnyaya obshchina*, 1999, no. 51, pp. 51–59.
 12. Mellamphy N.B. Terra-&-terror ecology: secrets from the Arrakeen underground. *Design Ecologies*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 66–91.
 13. Oparina O.I. Fear as a linguistic-psychological component of the linguistic world image. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow, MAKS Press Publ., 2004. Vyp. 27, 96 p.
 14. Polyakova E.I. Definition of the concept on the basis of linguistic-cultural approach. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2011, no. 10, pp. 155–156.
 15. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolyu: lingvokulturnye kontsepty v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 139 p.
 16. Borisova E.V. Scientific prerequisites for the emergence of the method of general philological analysis of the literary text. *Vysshye gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: materialy desyatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Samara, SamGSPU Publ., 2015, pp. 61–65.
 17. Morozova A.N., Karaulshchikova Yu.V. Modal syntagms in English media-texts: parameters of analysis. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2013, vol. 15, no. 2-2, pp. 459–466.
 18. Evans C.L. *Women of the future: gender, technology, and cyborgs in Frank Herbert's Dune*. Master's thesis. Quebec, Universite Laval Publ., 2016. 163 p.
 19. Morton T. Imperial measures: Dune, ecology and romantic consumerism. *Romanticism on the Net*, 2001, no. 21, pp. 15–21.
 20. Pearson B.W. Friedrich Nitzche goes to space. *Dune and Philosophy*. Chicago, Open Court Publ., 2011, pp. 189–205.
 21. Herbert F. *Dune Messiah*. New York, Ace Books Publ., 1990. 329 p.
 22. Herbert F. *Chapterhouse Dune*. New York, Ace Books Publ., 1990. 433 p.
 23. Herbert F. *Dune*. New York, Ace Books Publ., 1990. 536 p.
 24. Thu K. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's “Dune”, The Baheyeldyn Dynasty. 2004. URL: baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html.
 25. Verbitskaya M.V., Mindrul O.S. Philological basis of rendering literary text in oral speech. *Teoriya i praktika izucheniya sovremennogo angliyskogo yazyka*. Moscow, MGU Publ., 1985, pp. 136–144.
 26. Ter-Minasova S.G. *Sintagmatika rechi: ontologiya i evristika. Obshchaya i angliyskaya sintagmatika sostavnykh nominativnykh grupp* [Syntagmatics of speech: ontology and heuristics. General and English syntagmatics of compound nominative groups]. Moscow, URSS Publ., 2009. 200 p.
 27. Herbert F. *God emperor of Dune*. New York, Ace Books Publ., 1990. 423 p.
 28. Herbert F. *Children of Dune*. New York, Ace Books Publ., 1990. 408 p.
 29. O'Reilly T. *Frank Herbert*. New York, Frederick Ungar Publ., 1981. 279 p.

CONCEPTS “GARDEN” AND “DESERT” IN “DUNE” SERIAL NOVELS BY FRANK HERBERT

© 2017

T.G. Nikitina, PhD (Philology),
assistant professor of Chair “Theory and Practice of Translation”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: science-fiction literature; literary text; verbalization of concept; modality; Frank Herbert; concepts “garden” and “desert”.

Abstract: The study is based on effective methods of cognitive linguistics to study concept in the system of language. Speech realization of the concept in a literary text is examined as determined in its functions by an author’s idea, genre and style of the text. The research is a timely development of a modal framework notion for a work of literature, which enabled to describe verbalization of the concept as a system of semantic, formal and functional characteristics. The study confirmed that science-fiction novels from the series “Dune” by Frank Herbert are characterized by philosophical depth and complexity of language, while the concepts “garden” and “desert” play the key role in creating ideological and esthetic contents of the novels.

The paper contains analyses of the concepts on various levels of the literary text. It is noted that a concept can be examined at the level of language verbalization, at the levels of the text, the hypertext and literary discourse, while concepts are represented on phonetic, lexical and syntactic levels of the language. Concepts in a literary text have a cohesive hypertext function and provide the dialogue of the writer and the reader in literary discourse. The basis of concept realization in F. Herbert’s science-fiction was linguistic and stylistic analysis, referring to the broader context. Research discloses hypertext function of the concept in the literary text to provide communication of the reader and the writer in the literary text.

It is discovered that the cultural component of the text of novels is closely connected with verbalization of concepts. Analyses disclosed opposition of the concepts providing the principle of reader’s choice. The study showed that the writer models reader’s perception of heroes and events of novels by creating axiological modality. The paper brings forth conclusions about F. Herbert’s values experiments, the role of the reader in creating the system of values and the connection of axiology with epistemic and deontic modalities semantics.